



СОБОЙ ЗАСЛОНИЛИ МОСКВУ

Виктор Климанов

СОБОЙ ЗАСЛОНИЛИ МОСКВУ

ПОДВИГ
17-Й
СТРЕЛКОВОЙ
ДИВИЗИИ
НАРОДНОГО
ОПОЛЧЕНИЯ



Виктор Климанов

СОБОЙ ЗАСЛОНИЛИ МОСКВУ

Документальная повесть



**Подвиг
17-й стрелковой дивизии
народного ополчения**



**Народное ополчение
на защите Москвы**

Москва
Префектура Центрального
административного округа
2005

Глава 1

**Подвиг, трагедия, забвение
5**

Глава 2

**Предыстория. Как мы вступили в войну
48**

Глава 3

**Дивизия, армия, фронт, Москва
перед началом «Тайфуна»
96**

Глава 4

**2 октября – наступление врага началось
166**

Глава 5

**3 октября – 17-я вступает в бой
192**

Глава 6

**4 октября – подвиг 17-й стрелковой
220**

Глава 7

**Окончание сражения, отступление
250**

Глава 8

**Вечная слава героям ополченцам
284**

**Документальный и литературный материал
310**

Здравствуй Уважаемый читатель!
Всегда приятно встречаться с читателем.

12 лет назад был закончен оригинал моей повести.
Прошедшие годы показали, что тема преодоления и
святого подвига во имя защиты нашего Отечества
остаётся актуальной и востребованной.

В последние годы мне часто приходилось слышать
вопрос - Где можно приобрести вашу книгу?
Надеюсь эта публикация в какой то степени решит
эту проблему.

В добрый путь
Дорогой друг - читатель,

Виктор Климанов

Глава 7

Окончание сражения, отступление



Глава 7

ОКОНЧАНИЕ СРАЖЕНИЯ, ОТСТУПЛЕНИЕ

Боевое 4 октября как-то незаметно перетекло в 5 октября (Карта 18).

Движение войск, гул моторов техники, постоянные тут и там перестрелки, разрывы гранат, громкие команды – сотрясали ночной воздух. И крошечная тьма октябрьской ночи, разрываемая трассирующими полетами пуль, изредка освещаемая падающей ракетой.

Оба войска, огибая Спас-Деменск, устремились на северо-восток: ополченцы – для того, чтобы выскользнуть из окружения, а фашисты – для того, чтобы объехать, обогнать непокорную русскую дивизию, преградить ей путь и на следующий день уничтожить ее до конца.

В этой небывалой ночной суете в районе Пальково штаб 17-й стрелковой дивизии работал, как заводной мотор. Столько надо было сделать, столько успеть организовать, отдать распоряжений, проследить. Петр Сергеевич Козлов требовал выполнить все и намеривался, как капитан корабля, – уйти с поля боя последним.

В час ночи в расположение штаба дивизии неожиданно «вышла колонна танков противника в количестве 20 единиц».

Командир дивизии полковник П. С. Козлов и начальник штаба капитан Ф. Ф. Масленников возглавили штабные подразделения и находящиеся при штабе части и заняли круговую оборону. В центре обороняющейся цепи находился взвод зенитных крупнокалиберных пулеметов под командованием лейтенанта В. Г. Щемелева.

Пулеметным огнем были «ошпарены» танки фашистов, бутылками с бензином и связками гранат было подожжено два танка, остальные, открыв беспорядочную стрельбу, повернули обратно. После этого последовал приказ штабу немедленно сниматься и, огибая Спас-Деменск с западной стороны, присоединиться к отходящим частям дивизии.

К 6 часам утра 5 октября основные силы дивизии сосредоточились в лесном массиве северо-восточнее Спас-Деменнска. По пути движения к дивизии присоединилось 10 танков 43-й армии.

Разведкой было установлено, что населенные пункты Ртинки, Наумово, Старинки, Чебники, Коскино заняты противником – пути отступления дивизии на северо-восток были перекрыты 2-й танковой и 258-й пехотной дивизиями врага.

С востока к позициям героев подступали болотистые места реки Малая Ворона. На северо-западе 4 октября части 1314-го полка уже совместно с батальонами северного соседа отбивали атаки моторизованных групп гитлеровцев. Ночью части 5-й танковой дивизии рассекли порядки 60-й и 17-й дивизий, и возможности совместного отпора врагу при отступлении уже не было. С западной и юго-западной стороны позиции 17-й стрелковой подпирали фашистские части 5-й танковой и 252-й пехотной дивизий. С юга, на Варшавском шоссе, на участке от Осовки до Ершей, под прикрытием 11-й танковой дивизии саперные части фашистов проводили работы по разминированию, расчистке и налаживанию движения по магистрали.

Таким образом, утром 5 октября 17-я дивизия оказалась в полном окружении, свободным было только окно справа – болотистые берега реки Малая Ворона.

Стояла ясная осенняя погода. Взошедшее яркое солнце освещало поредевший лес в желтом и багровом уборе и отдыхающих солдат и командиров, оставшихся в живых героев из Замоскворечья. Было совсем тихо. Самолеты врага не летали, пушки не стреляли. Техника фашистов и сами завоеватели после сумасшедшей ночи тоже отдыхали.

Но командир дивизии Козлов не спал, он сидел, как «Ермак, объятый думой», ему надо было принимать решение – атаковать врага в лоб, у него же теперь есть танки, или прорываться через болота Малой Вороны. Ознакомившись с обстановкой, он решает сделать прорыв с применением танков через Старинки, где находился хороший мост через реку.

Надо признать, что решение Петра Сергеевича в данном случае было неудачным. В отчете 15 октября о боевых действиях дивизии он потом напишет – «дневной бой 5.10.41 г. с применением танков прорыва не дал».

Учитывая стремительные маневры превосходящего в силах врага и фактическую боеспособность своего уставшего войска, у него уже осталось менее половины дивизии, рациональнее всего в той обстановке было бы немедленно уйти от прямого столкновения.

Героический подвиг 17-й стрелковой дивизии 4 октября, на целые сутки задержавшей наступление громадной военной колонны противника, все выполненные с честью высокие обязательства, и перед военным уставом, и перед Родиной, давали командиру право принять такое решение.

Но как быть с договоренностью накануне со старшим по званию генерал-майором Котельниковым, командиром соседней 60-й дивизии, соседней не только на поле боя, но и по прописке в Москве. Решили отступить вместе, поддерживая друг друга. Если бы полковник Козлов знал, что *«основные силы 60-й дивизии начали отход в 2 часа ночи 5 октября, скрытно оторвавшись от противника. 60-я дивизия выступила тремя колоннами по трем дорогам. Главные силы двигались в центре, в голове колонны – 1281-й полк. В эту колонну влилось также несколько подразделений 1314-го полка 17-й стрелковой дивизии. В полнейшей темноте по левым и лесным дорогам подразделения двигались в направлении Вязьмы. Первый день марша прошел спокойно. Тишину нарушали лишь самолеты противника, непрерывно летавшие на восток для бомбежки».*

Если бы командир 17-й дивизии знал, что его старший по званию коллега со своей дивизией в это время находился уже в двадцати километрах севернее Старинки, он бы, наверно, принял другое решение.

Но желание дать ненавистному врагу сдачи за погибших товарищей, за неудачную попытку ночного марш-броска, да еще с танками,

пересилило здравые рассуждения героя – после непродолжительного отдыха дивизия пошла в атаку. Три попытки прорваться через Старинки не имели успеха, не помогли и танки. Наши потери снова были значительными, в том числе 7 танков. Как и в предыдущий день, очень эффективно и полезно в бою проявил себя взвод крупнокалиберных зенитных пулеметов ДШК, которым командовал лейтенант Валентин Гаврилович Щемелев. Теперь уже взвод подчинялся непосредственно штабу дивизии и участвовал в ударной группе прорыва на Старинки.

В этом бою серьезное ранение получил комиссар дивизии Кувшинов. Его личный шофер вызвался вывести раненного комиссара из окружения и успешно справился с этой задачей. После госпиталя Иван Степанович продолжит свой боевой путь по фронтовым полям Великой Отечественной.

К вечеру дивизия оказалась полностью зажатой фашистскими бронированными клещами. Оставалась единственная лазейка – через болота реки Малая Ворона, на восток, да и та уже была под прицелом врага. Разведка уточнила маршрут, и с наступлением темноты 1312-й и 1314-й полки в ротных и батальонных колоннах начали бесшумно переходить заболоченную реку (Карта 19).

В первую очередь был обеспечен отход автоколонны, в составе которой шли машины со знаменами дивизии и со штабными документами. Эту колонну охраняли два взвода караульной роты и два танка. Автоколонна благополучно прошла затопленные участки и двинулась в направлении на Городечню, Ключики и далее на Малоярославец.

Противник обнаружил движение наших частей и открыл шквальный огонь из всех орудий, а поднятый по тревоге батальон гитлеровской пехоты устремился в атаку на наши ряды.

Отряд прикрытия под командованием лейтенанта В. Шогина и тот же взвод зенитных батарей под командованием В. Щемелева на высоте возле деревни Ртинка бесстрашно вступили в бой с выдвигающимся для атаки фашистами. Завязалась ожесточенная схватка. Ночью не до маневров – гитлеровцы шли напролом. То тут, то там вспыхивали рукопашные бои.

И вот по цепи прокатилось: «Штыки отомкнуть, к атаке готовь!».

Лейтенант Шогин остервенелым возгласом «За Родину, за Сталина, за Москву – вперед!» поднимает наших бойцов. Вот уж в чем

мы всегда были сильнее немца – так это в штыковой атаке. Бойцы, действуя штыком и прикладом, а у кого были гранаты – гранатами, стремительно бросились на врага. Фашисты не выдержали и в беспорядке бежали в сторону деревни Старинки. Путь для отхода был свободен...

На рассвете 6 октября, когда прошли последние дивизионные орудия, повозки, обозы, снялся со своей охранной позиции и взвод зенитных пулеметов. Только теперь это было уже полвзвода. Одну машину с пулеметами, изуродованную прямым попаданием мины пришлось оставить. Погиб и расчет, обслуживающий эту установку. И остались они безымянными героями лежать возле своего орудия на безымянной высоте.

Выйдя через болота реки Малая Ворона из огненного кольца окружения, части 17-й дивизии утром 6 октября собрались на поляне в лесном массиве южнее деревни Городечня.

Командир дивизии обратился ко всем собравшимся:

– Товарищи! Я командир 17-й стрелковой дивизии полковник Козлов. Фашисты взяли нашу дивизию в кольцо. Соседняя с нами дивизия также находится в окружении. Не имея боеприпасов, горючего и продовольствия, а также средств борьбы с танками, двигаться большой колонной нецелесообразно. Трудно маскироваться, располагаться на ночлег, трудно кормить людей. Поэтому принимаю решение: выходить на восток, общим направлением на Малоярославец, по лесам, группами в 100–200 человек. Группы поведут назначенные мною командиры. Самую большую группу поведу я сам. Маршруты движения групп уточнит начальник штаба капитан Масленников. Связь со мной и с соседними группами держать через связных. В движении соблюдать армейскую дисциплину и организованность. Помните, что вы воины Красной Армии. Задача: пройти через вражеское кольцо и соединиться с частями Красной Армии, максимально сохранить людей и оружие, избегать встреч с врагом, не ввязываться в затяжные бои.

Судьба каждого отряда, выходившего из окружения, в последующие пять ненастных осенних дней сложилась по-разному, но для каждого отряда она была трудной.

7 октября погода испортилась, выпал первый снег, трудности для отступающих увеличились. Сначала избавились от крупной техники –

не было бензина для машин и танка, кончились снаряды для орудий. Затем побросали пулеметы, оставили только самое необходимое оружие, на повозках везли только раненых. Ночные переходы, недоедание, недосыпание, холод, усталость давали о себе знать. Начались отставания, болезни. Отряды стали расчленяться на более мелкие группы. Случались встречи с противником, перестрелки – раненые, убитые, иные попадали в плен. Ночевали в основном в лесу. Постелью служил лапник ельника и хворост. Костры не разжигали. Довольствовались подножным кормом – ягодами рябины, черники, брусники, желудями. Воду пили из ручьев и речушек.

Иногда заходили в деревни, не занятые немцами. Население встречало «окруженцев» приветливо, делилось скудными пожитками. Удавалось отдохнуть и посушить одежду и обувь.

К 12 октября разрозненные отряды частей дивизии, пройдя сотни километров по лесам и болотам, преодолев невероятные трудности, вышли из окружения в район Угодский завод (ныне Жуково).

Ну а как складывались дела у наших братьев по оружию?

113-я дивизия. Ополченцы Фрунзенского района. Тоже наши соседи из Хамовников – только переплыть Москву-реку в Нескучном саду.

Воспоминания знакомого уже нам заместителя начальника штаба Н. Митрофанова:

К 8 часам 5 октября основная колонна под командованием генерала Преснякова сосредоточилась в районе урочища Мох. Колонна майора С. Ф. Ковалина, как я узнал много позднее, достигла своего района лишь 8 октября. Главную колонну она уже на месте не застала. Подвергаясь бомбежке авиацией противника, колонна стала пробиваться самостоятельно на северо-восток в направлении Износки – Шанский завод. Ее остатки вышли в расположение наших войск в районе Борисова, что в 15 километрах южнее Можайска. Все бойцы и командиры этой колонны были использованы как пополнение других дивизий.

Майора С. Ф. Ковалина назначили командиром полка в 108-ю стрелковую дивизию.

По-иному сложилась судьба основной колонны, которой командовал генерал И. А. Пресняков. Она не смогла полностью оторваться от

противника. 5 октября командир дивизии ликвидировал часть обоза: на руки бойцам раздали белье, обмундирование и оставшееся продовольствие. Колонна продолжала отходить.

Вскоре лесная дорога оказалась непроходимой для машин. Пришлось вернуться назад. День 6 октября ополченцы провели в районе Васильевки. Запасы горючего подходили к концу. Командир дивизии решил выдвинуться к опушке леса и расстрелять оставшиеся снаряды по фашистским гарнизонам, потом подорвать артиллерийские орудия, а автомашины сжечь.

Около 20 часов 6 октября наша артиллерия открыла огонь по гарнизонам врага. Фашисты яростно отвечали. Особенно интенсивной была стрельба тяжелых минометов из деревни Верхуличи. Ракеты освещали местность так, что дальнейшее движение конного обоза с ранеными пришлось приостановить. Со стороны шоссе на Верхуличи доносился шум моторов: это или, по-видимому, довольно крупные резервы противника.

В ночном бою мы потеряли рацию. С нею кончились наши надежды на связь с высшим командованием, на его поддержку (патронами, оружием, продовольствием). Были у нас в том бою и людские потери. Ранено командира 1-го батальона 1292-го полка П. В. Хлебникова. Разрывом мины контузило и меня.

Днем 7 октября командир дивизии И. А. Пресняков приказал вывести людей. Объяснил обстановку. Обращаясь к ополченцам, сказал: – Несмотря на тяжелое положение, нужно во что бы то ни стало пробиться к своим.

Слова командира встретили всеобщую поддержку. Ночью мы обошли Верхуличи и после еще одной дневки к утру 9 октября 1941 г. вышли в район железнодорожных станций Занозная – Чипляево. Один переход отделял нас от Милятинского лесного массива, откуда, как мы рассчитывали, можно в относительной безопасности двигаться на соединение с фронтом. Но этому плану не суждено было осуществиться. Враг принимал меры, чтобы не выпустить нас. Наш путь не был для него секретом. Колонне в две с лишним тысячи человек не так легко незаметно пройти по осенним поредевшим лесам.

Обнаружив место нашей дневки 9 октября, фашисты сосредоточили в районе Ериши – Чипляево значительные силы и двинулись в наступление. Из-за линии железной дороги около станций Чипляево – Занозная была ар-

тиллерия и минометы. По дороге Ериши – Студеное гитлеровцы подвезли пехоту. Она развернулась в цепь. Впереди нее шли танки. Фашистские самолеты непрерывно сбрасывали на нас свой смертоносный груз. Мы могли противопоставить врагу только нашу стойкость. У нас осталось лишь около десятка станковых пулеметов, имелись автоматы и винтовки, патроны, ручные гранаты. Некоторые из бойцов-истребителей сохранили противотанковые бутылки с горючей жидкостью. Они верили в них!

Бой начался в 12 часов и носил очень упорный характер. Вероятно, враг рассчитывал выбить нас из леса, чтобы полностью уничтожить на открытом месте. Но его массовые атаки отбивались нашим огнем и контратаками. Особенно успешной была контратака резервного батальона и эскадрона разведроты, которым командовал старший лейтенант Соколов.

В ходе контратаки ополченцы частично уничтожили и разогнали атакующие группы немецкой пехоты на участке более километра по фронту. Преследуя их, подразделения захватили и подожгли помещение какого-то немецкого штаба, а также складские помещения и уничтожили более 30 автомашин. Большинство участников контратаки, повернувшись на север, перешло за линию железной дороги. Дальнейшая связь с ними была потеряна. По налетам фашистских самолетов и разрывам авиабомб можно было предположить, что враг атаковал ополченцев с воздуха.

В самом начале контратаки получил тяжелое ранение в ногу командир дивизии генерал И. А. Пресняков. Его заменил полковник С. А. Самойлов.

Упорное сопротивление наших бойцов вынудило фашистов подбросить подкрепления: несколько машин с пехотой, танковую группу и артиллерию. Мы несли большие потери. Из числа старших командиров кроме комдива выбыл из строя подполковник С. Я. Красиков. Он был тяжело ранен в грудь и скончался. Получил тяжелое ранение в живот и вскоре умер представитель штаба 43-й армии майор И. С. Бачевский. Погибло много других товарищей.

Время шло своим чередом. В воздухе появились первые снежинки, потом повалил густой снег. Фашисты прекратили атаки, продолжая лишь изредка обстреливать лес. А мы стали хоронить убитых.

Вечная им слава: павшим за Родину, за ее светлое будущее, тем, кто погиб на рубеже Шуйца – Снопоть, и под Суборовом и Семиревом, и вокруг Желны!

Упорное сопротивление нашей дивизии и других соединений в те октябрьские дни значительно снизило темпы продвижения ударных сил немецко-фашистских войск к Москве.

Несмотря на проявленный героизм и самоотверженность, положение дивизии оставалось очень тяжелым. Мы были одни, без боеприпасов, с большим числом раненых, в окружении врага. В такой обстановке командовавший дивизией полковник С. А. Самойлов принял решение выходить небольшими группами в район железнодорожной станции Баскаковка.

Оттуда, по соединении всех групп, предполагалось двинуться общим отрядом по лесам на северо-восток для соединения с фронтом.

Тяжелораненых, в том числе и генерала Преснякова, разместили на повозках, на которых раньше везли пулеметы и патроны. Раненых отправили с группой бойцов под командованием полковника Михалева.

Как я узнал потом, эта группа в первую же ночь при обходе какого-то населенного пункта, занятого фашистами, раздробилась на более мелкие. Та часть группы, в которой находился генерал, дошла до маленького хуторка между железнодорожной станцией Баскаковка и деревней Ключи. Там командир дивизии, ослабевший от раны, в полуобморочном состоянии был взят в плен.

По окончании войны я узнал, что полковнику Михалеву, который вел другую часть группы, удалось соединиться с нашими войсками. В район Ермолина, севернее Малоярославца, вышла к своим и группа капитана Абрамова. Она немедленно была брошена в атаку и сумела нанести поражение наступавшим там гитлеровцам. Многие другие группы также вышли из окружения, и уже 13 октября в районе города Боровска дивизия снова вела упорные бои с врагом.

Непросто складывались дела у нашего южного соседа, 173-й дивизии. Воспоминания командира дивизии полковника Богданова (Карта 20):

5 октября, будучи преследуема, дивизия приняла второй ожесточенный бой на рубеже Соломоновка – Гавриловна – Ухобичи – Шитилвка – Носовка – Усовка – в районе железной дороги, связывающей г. Киров и Сухиничи.

В этом бою, длившемся с утра и до глубокой ночи, дивизия, имея перед собой явно превосходящие силы противника, понесла тяжелые потери в людском составе и материальной части.

1315-й сп потерял в боях 1 орудие 75-мм, 1 миномет, 9 пулеметов и 160 чел. убитыми и ранеными.

1313-й сп потерял 4 орудия 75-мм, 4 станковых пулемета и 10 ручных пулеметов и ПППШ.

В боях под Ухобичами – Гавриловкой (5 октября) противник, пустив в ход свои мотомехчасти, отрезал от дивизии 1311-й сп, который отступал в северо-западном направлении от железной дороги Киров – Сухиничи... Артиллерийский полк под командованием полковника Глотова после боя в районе Ухобичи – Гавриловка прорвался вперед, проследовал через Ульяново-Белев в Тулу и Серпухов и здесь был присоединен к 238-й стрелковой дивизии.

С 5 октября основной состав дивизии – 1313-й сп, 1315-й сп, саперный батальон, комендантский взвод и некоторые другие подразделения, сохранив целиком свой штаб и политотдел, находились во вражеском окружении.

Сохранив свою наиболее боеспособную часть, дивизия, ведя отдельные боевые стычки с противником (район дер. Зимница – Печки), была выведена из окружения и 9 октября по приказанию начальника Белевского боевого участка полковника Аргунова заняла боевые рубежи на участке Дудорово – Старица – Ульяново, приняв на себя оборону г. Ульяново.

С этого времени, несмотря на огромные потери, большую усталость личного состава, ничтожную материальную часть, дивизия вела арьергардные бои на участке Ульяново-Белев – Тула, будучи все время в непосредственном соприкосновении с противником...

Северный сосед Москворецкой дивизии, 60-я стрелковая дивизия, в ночь на 5 октября сумела успешно выйти из-под удара фашистской армады.

Воспоминания командира 1281-го полка, полковника В. П. Берестова:

Основные силы дивизии начали отход в 2 часа ночи 5 октября, скрытно оторвавшись от противника. Сначала дивизия выступила тремя колоннами по трем дорогам. Главные силы двигались в центре, в голове колонны шел 1281-й полк. В эту колонну влилось несколько подразделений отходившей 17-й стрелковой дивизии.

В полнейшей темноте по полевым и лесным дорогам подразделения двигались в направлении Вязьмы. Первый день марша прошел спокойно.

Тишину нарушали лишь самолеты противника, непрерывно летавшие на восток для бомбежки. Западнее деревни Выходы разведка дивизии встретила в лесу большую колонну артиллерии на гусеничной тяге. Ее командир доложил, что деревня занята немцами, обходных путей нет, боеприпасов артиллеристы не имеют, а горючее в тракторах на исходе. Артиллерия присоединилась к основной колонне. Генерал Котельников решил предпринять ночную атаку. К этому времени все три колонны пришлось объединить, так как для движения осталась одна дорога. Успеха можно было добиться только внезапностью и решительностью. В прорыве могли участвовать десять 76-мм пушек, с 15–20 снарядами на каждую, один танк КВ без боеприпасов и с ограниченным количеством горючего, да 12 артиллерийских тягачей на гусеничном ходу с орудиями без снарядов, которые можно было использовать лишь для имитации шума танков.

Гитлеровцы, упоенные успехами, беспечно спали. Подготовленной обороны, да еще фронтом на запад, у них не было. Патрули в деревне были неопасны. Но дорогу прикрывало несколько танков. Поэтому пришлось выставить пушки на открытые огневые позиции. Подразделения заняли исходное положение для атаки, а танк и артиллерийские тягачи на малой скорости подошли к боевым порядкам пехоты. Было решено, не ввязываясь в затяжной бой, поскорее пробиться на восточную окраину деревни. Темной ночью все три колонны незаметно сблизились с противником на бросок атаки.

По сигналу красной ракеты пушки открыли огонь по вражеским танкам. Танк КВ с десантом пулеметчиков и артиллерийские тягачи на полной скорости ворвались в деревню. Перепуганные гитлеровцы в панике выскакивали из домов. Ополченцы пустили в ход ручные гранаты.

Захваченные врасплох, фашисты бежали в лес. В деревне захватили (и уничтожили из-за отсутствия механиков-водителей) пять немецких танков. В числе трофеев оказалось семь больших грузовых автомашин, из которых одна была с документами штаба вражеской дивизии. Ополченцы-шоферы на машинах повезли раненых. После успешного боя подразделения привели себя в порядок и двинулись по дороге на Вязьму.

Утром разведка доложила, что на пути движения противник обороняет выгодный рубеж. Попытки прорваться через него с ходу оказались безуспешными. Пришлось снова готовиться к прорыву. Однако

ночная атака не принесла полного успеха. Лишь отдельным группам удалось по лесу просочиться через боевые порядки гитлеровцев. Остальные подразделения отошли на исходные позиции.

В это время погиб командир дивизии генерал-майор Л. И. Котельников. Ему принадлежит большая заслуга в том, что дивизия сумела отразить атаку фашистских войск в октябре и организованно выйти из окружения.

6 октября офицеры штаба дивизии под руководством начальника штаба полковника Я. С. Воробьева готовили подразделения к новой атаке. Атака в ночь на 7 октября оказалась успешной: через расположение захваченного врасплох противника в этом месте удалось вывести по лесам около пяти тысяч человек. Но соединиться с частями Красной Армии не удалось – Вязьма была уже в руках немцев.

В знакомой нам 160 стрелковой дивизии 24 армии, которая стояла под Ельней, немного севернее главного удара фашистов, с 5 октября дела пошли совсем плохо.

Воспоминания бывшего командира взвода Б. Зылева:

На участке дивизии шли непрерывные бои. Наши части удерживали свои рубежи, но левее нас фашистские войска прорвали фронт, и шум боя доносился теперь не только с запада, но и с юга и юго-востока.

С утра 5 октября обстановка на участке дивизии стала крайне тяжелая. В середине дня на поле между Ельней и деревней Мойтево, где располагался штаб дивизии, показались ряды вражеских автоматчиков. Над Мойтевом засвистели пули, стали рваться мины. В бой вступили те, кто занимал окопы вокруг деревни. Нас поддерживала батарея тяжелых минометов, расположенная в овраге за деревней. По приказу командования дивизия начала отходить на новые рубежи.

Днем 6 октября машины штаба свернули с большака на проселочную дорогу, ведущую к месту новой дислокации. Вскоре мы проехали большую деревню, подвергнувшуюся бомбежке. Около половины домов было разбито и сожжено. Возле одного из них прямо на земле сидела женщина – мать погибших детей. Держась руками за голову, она дикими, блуждающими глазами смотрела на то место, где еще недавно стоял дом, жили ее дети. Теперь же дымились развалины. Женщина как-то беспомощно покачивалась и причитала.

Во второй половине дня мы остановились в небольшом смешанном молодом лесочке. Командование дивизии разместилось в нескольких землянках, возведенных тут еще в июле. Через некоторое время сюда прибыла значительная часть полка Н. А. Оглобина, 11 танкеток батальона разведки, саперный батальон и бойцы из других частей. Саперный батальон занял оборону вокруг небольшой деревни восточнее леса. Здесь находилась часть штаба 24-й армии и два танка КВ, приданных штабу армии.

Штаб и части нашей 6-й дивизии разместились большим лагерем. Бойцы и командиры очень устали. Многие не ели уже более суток.

События, в которых оказались мы, тревога за товарищницей, неопределенность нашего положения не давали покоя. Не успели мы устроиться, как над нами загудели тяжелые бомбардировщики противника. Они сбросили бомбы примерно в километре от нас. Через некоторое время над лесом показались «мессершмитты».

Поравнявшись с лесом, они открыли огонь из пулеметов. Укрыться было негде. Пять раз пролетали над нами фашистские самолеты. Пять раз подряд мы являлись мишенями гитлеровских головорезов. Этот обстрел напряг нервы до предела. Наступила ночь. Мы улеглись на землю, стараясь прикрыться шинелями и плащ-палатками. Кругом тишина. Лишь вдали слышатся взрывы бомб. Местами небо розовело от далеких пожаров. Никто не спал. Каждый думал о дальнейшей судьбе, о близких, о Москве...

Вдруг лес огласился десятками автоматных очередей. Гитлеровцы подошли к нам с южной стороны. Засвистели пули. Кто-то жалобно вскрикнул: «Ой, помогите!» – и сразу же смолк.

Снова стало тихо. Фашисты перестали стрелять.

Вытянувшись цепочкой, они приближались к нам. Уже ясно звучали уверенные слова команды. За плечами у противника легкие победы в Европе, удачи первых месяцев войны на советской земле. Уверенность врага основывалась на том, что наша дивизия испытала тяжелый обстрел самолетов, не имела связи с другими частями.

Но гитлеровские солдаты не знали души советского человека. Враг приближался, уже в каких-нибудь 30–40 метрах.

– Огонь! – скомандовал я бойцам комендантского отделения.

Открыли огонь из своих пулеметов танки КВ и танкетки батальона разведки. Вскоре фашисты отступили. Командование армии и нашей дивизии решило отходить в сторону Вязьмы.

Мы не будем продолжать дальнейший рассказ о драматических событиях, случившихся с ополченцами 160-й стрелковой дивизии, – это выходит за рамки нашей книги. Выразим лишь надежду, что книга, книга большой, настоящей и суровой правды о героическом сопротивлении частей и соединений Красной Армии в кольце Вяземского окружения в октябре 1941 года, обязательно увидит свет, обязательно дойдет до пронизательного сознания нашего сообщества, которому в своем самоусовершенствовании необходим эликсир достоверного мужества России.

Приведем только итоговые абзацы воспоминаний Б. Зылева.

С 6 по 13 октября 1941 г. западнее Вязьмы развернулась огромная битва между окруженными советскими войсками и значительной частью армии неприятеля, наступавшей на Москву.

Рано выпавший снег, холод, недостаток боеприпасов и питания – все это создавало тяжелую обстановку. Однако наши войска ожесточенно и яростно сопротивлялись. В течение недели они сковывали значительные силы противника, задерживали его движение на Москву.

Советские войска под Вязьмой нанесли значительный урон неприятелю, а главное, дали необходимый выигрыш во времени для укрепления обороны Москвы. Несмотря на всю тяжесть потерь, понесенных нашей армией в октябре 1941 года под Вязьмой, вяземское сражение сыграло большую роль, задержав продвижение ударной группы врага.

Вяземское сражение знает сотни и тысячи героических подвигов, как отдельных бойцов и командиров, так и целых войсковых групп. Очень часто отдельные группы, стремясь выйти из окружения, вступали в бой, который приобретал наступательный характер. Такие бои проходили крайне ожесточенно.

И наконец судьба наших братьев по оружию, ополченцев 2-й стрелковой дивизии. Воспоминания командира дивизии В. Р. Вашкевича.

Надо сказать, что дивизия народного ополчения Сталинского района проявила себя с самой наилучшей стороны в героических боях наших войск в Вяземском котле. Она удерживала окно, через которое выходили из окружения части Красной Армии. Около ста тысяч наших воинов воспользовались этим коридором.

С 8 октября 2-я дивизия перешла в непосредственное подчинение Михаилу Федоровичу Лукину, который был назначен командующим группой советских войск, окруженных под Вязьмой.

Если познакомиться с приказами генерал-лейтенанта Лукина с 8 по 12 октября, то можно сделать вывод о том, что наиболее полно и точно они исполнялись именно 2-й дивизией народного ополчения. Остатки 24-й армии уже не могли воспринимать приказы, подразделения 20-й армии после пятидневного зстоя никак не могли вписаться в сражение и приказы командующего просто не исполняли, соединения 19-й армии были так измотаны тяжелейшими боями, начиная со 2 октября, что у них уже не хватало сил полноценно выполнять приказы своего командующего. А вот 2-я дивизия, честь ей и хвала, была примерным подразделением в этой тяжелейшей и трагической схватке.

С утра 4 октября крупная группировка танков и пехоты противника при мощной авиационной поддержке перешла в наступление из района Холм-Жирковский. Она отбросила 13-ю дивизию народного ополчения и ее правого соседа к востоку и овладела большим плацдармом на левом берегу Днепра. Это были 56-й танковый (две танковые и одна моторизованная дивизия) и 5-й армейский (три пехотные дивизии) корпуса 3-й танковой армии.

Утром 5 октября они, не встречая серьезного сопротивления, начали наступление в юго-восточном направлении на Вязьму. В то же время поступили сведения, что крупные танковые силы противника заняли Спас-Деменск.

С вечера 4 октября до утра 6 октября 2-я дивизия народного ополчения пропускала через свои боевые порядки наши войска, отходившие на восток.

Рано утром 6 октября в штаб дивизии сообщили, что Вязьма занята парашютным десантом противника. Для его уничтожения была направлена самая подвижная часть дивизии – танкетный батальон. Когда он подошел к Вязьме, она была уже занята 46-м танковым корпусом врага.

6 октября 2-я дивизия народного ополчения получила приказ командующего 32-й армией: прочно обороняя позиции по Днепру, не допускать охвата противником своего правого фланга, а левый фланг, в связи с отходом 7-й дивизии народного ополчения, протянуть на юг до

Дорогобужа. В итоге дивизии пришлось растянуть свой фронт до 45 километров, сохраняя основную группировку к северу от автомагистрали.

6 и 7 октября прошли в стычках разведывательных подразделений и в отражении небольших разведывательных отрядов мотоциклистов противника, пытавшихся подойти к Днепру на участке дивизии.

Со второй половины дня 7 октября наступила необычайная тишина. Шум боя затих на всех направлениях. Только около 17 часов к шоссейному мосту через Днепр подошла рота вражеских мотоциклистов. Она пыталась захватить мост и предотвратить его уничтожение. Саперы дивизии взорвали мост вместе с фашистской ротой. 7 октября дивизия прикрывала наши войска, отходившие на восток. В полосе дивизии оказались соединения и части 19-й армии. К вечеру того же дня за Днепр отошли еще три стрелковые дивизии и три артиллерийских полка усиления из состава 30-й армии. Эти войска составляли группу заместителя командующего Западным фронтом генерал-лейтенанта И. В. Болдина.

Ни о составе, ни о численности войск, оказавшихся в полосе дивизии, а тем более об их боевых задачах мы не имели никакой информации. Знали лишь, что вся полоса дивизии до реки Вязьмы и восточнее ее заполнена советской пехотой, артиллерией и автотранспортом.

5 октября

5 октября на западном направлении советско-германского фронта произошел настоящий камнепад чрезвычайных событий, которые встряхнули всю систему нашей кремлевской власти, и к концу дня во всех ее коридорах метался вихрь безответных вопросов: Что случилось на Западном фронте? Неужели танки идут на Москву? Что с нами будет? Что же делать???

А все началось на участке Резервного фронта, где до 23 часов 4 октября под Спас-Деменском держала свой рубеж обороны 17-я стрелковая дивизия.

10-я танковая дивизия гитлеровцев, которая обошла поле сражения на втором рубеже Резервного фронта, вечером 4 октября сосредоточилась на Варшавском шоссе в районе Ерши – Куземки, ночью произвела необходимые приготовления и с рассветом 5 октября в маршевых колоннах с развернутыми флагами со свастики двинулась в сторону Юхнова, в направлении Москвы.

Свидетельствовать об этом будут Командующий ВВС Московского военного округа Николай Александрович Сбытов и исполняющий обязанности Начальника МВО в те дни Константин Федорович Телегин.

На рассвете 5 октября разведчики доносят: по Варшавскому шоссе, примерно в 250 км от города, двумя колоннами идут немецкие танки и пехота. Посылаю перепроверить майора Карпенко. Прилетает назад, докладывает: «Точно, идут немецкие танки, очень много». Потом оказалось, что целый немецкий корпус в обход фланга наших войск на направлении Москва – Смоленск прошел практически без боя в наш тыл и спокойно движется на Москву. А у нас никаких резервов нет. Только строительные батальоны и женщины, которые копают окопы для наших войск, которых нет.

Командующий округом Артемьев был в Туле, я доложил о немцах Телегину. «Что будем делать?» – говорит. «Давайте поднимать курсантов военных училищ – больше некого. В Подольске два военных училища, хоть немного задержат, а тем временем, может, какие-нибудь резервы подойдут. А я два-три полка наскребу и буду бить с воздуха».

Договорились, решили. Было 7 часов утра с минутами.

Я по своей линии все распоряжения сделал, авиацию собрал, к 12-ти, максимум к 13-ти часам авиагруппа готовилась нанести удар по немецкой колонне.

Вдруг звонок. Абакумов приглашает меня к себе. Приезжаю на Лубянку. У него в кабинете Меркулов, заместитель Берии, и начальник отдела контрразведки штаба ВВС на меня из угла косится. Абакумов сразу же:

– На каком основании вы проводите разведку в нашем тылу, а не в немецком? А может, для того, чтобы панику в Москве устроить? – и все в таком же духе... – Вы не можете командовать, мы считаем, что вас надо снять с должности. Поезжайте!

– Куда ехать?

– Как куда? К себе.

Приезжаю к себе, у кабинета уже часовой стоит. Телегин поставил. Я вошел в кабинет, достал маузер, положил рядом автомат, думаю: придут забирать – будем воевать.

Н. А. Сбытов

Около 15 часов я еще раз позвонил начальнику Генерального штаба Б. М. Шапошникову и доложил, что мне стало известно. В трубке на несколько секунд воцарилось молчание.

– Верите ли вы этим данным, не ошиблись ли ваши летчики?

– Нет, не ошиблись. За достоверность сведений отвечаю, за летчиков ручаюсь.

– Мы таких данных не имеем, это невероятно...

Через 3–4 минуты зазвонил телефон уже у меня, узнаю голос И. В. Сталина.

– Вы только что докладывали Шапошникову о прорыве немцев в Юхнов? – спросил Верховный Главнокомандующий. – Откуда у вас эти сведения и можно ли им доверять?

– Сведения доставлены лучшими боевыми летчиками, дважды перепроверены и достоверны...

– Что предприняли?

Я доложил о том, что распорядился поднять по боевой тревоге Подольские пехотное и артиллерийское училища – ближайшую к врагу силу, способную встать на его пути.

Командованию МВО было приказано задержать противника на рубеже Можайской линии обороны, пока не будут подведены резервы Ставки.

К. Ф. Телегин

Вскоре приезжает Артемьев, стали звонить начальнику Главного оперативного управления штаба Василевскому. Тот говорит, что наших танков там быть не может. Значит – немецкие. Но мер никаких не принял. А время уже 18 часов. Авиацию использовать сегодня уже нельзя. Одни сутки потеряны.

Только Абакумов что-то делает: прислал полковника с протоколом допроса, а там написано, что я специально хотел устроить провокацию с целью создать в Москве панику.

Я взял ручку, написал: «Последней разведкой установлено, что немцы к исходу дня вошли в Юхнов».

Сижку жду. Звоню в секретариат Сталина, там говорят:

«Идет заседание ГКО, приказано никого не соединять».

Так и сидел, как пень, до утра.

Н. А. Сбытов

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК
КОМАНДУЮЩЕМУ 52-й АРМИЕЙ О ПЕРЕБРОСКЕ
316-й и 312-й СТРЕЛКОВЫХ ДИВИЗИЙ
В РАЙОН ВОЛОКОЛАМСКА И НАРО-ФОМИНСКА

5 октября 1941 г. 16 ч. 40 мин.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает: 316-ю и 312-ю стр. дивизии немедленно перебросить по железной дороге в распоряжение командующего войсками МВО. Темп перевозки не менее 10 поездов в сутки для каждой дивизии.

Б. Шапошников

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 002635
КОМАНДИРАМ 5-й ГВАРДЕЙСКОЙ СТРЕЛКОВОЙ
ДИВИЗИИ и 17-й ТАНКОВОЙ БРИГАДЫ
О ГОТОВНОСТИ К НАНЕСЕНИЮ УДАРА НА ЮХНОВ

5 октября 1941 г. 23 ч. 40 мин.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает: По окончании выгрузки 5-й гв. дивизии и 17-й танк. бригаде начать движение на Медынь, откуда общими усилиями нанести удар вдоль шоссе в направлении Юхнова, где и войти в связь с войсками Резервного фронта.

По поручению Ставки ВГК
Начальник Генштаба *Б. Шапошников*

5 октября 1941 г. Штаб Ленинградского фронта. Из Ставки передали:

– С командующим фронтом будет говорить по прямому проводу товарищ Сталин.

Сталин. Здравствуйте.

Жуков. Здравия желаю!

Сталин. У меня к вам только один вопрос: не можете ли вы незамедлительно вылететь в Москву? Ввиду осложнения обстановки на левом крыле Резервного фронта в районе Юхнова Ставка хотела бы

с вами посоветоваться. За себя оставьте кого-нибудь, может быть, Хозина.

Жуков. Прошу разрешения вылететь утром 6 октября.

Сталин. Хорошо. Завтра ждем вас в Москве.

Г. К. Жуков

События развивались стремительно. В ночь на 6 октября Государственный Комитет Обороны принял специальное постановление о защите Москвы.

В качестве главного рубежа сопротивления была указана Можайская линия обороны, куда предстояло направить все возможные силы и средства. ГКО решил также сформировать девять резервных армий на Волжском рубеже от Вытегры до Астрахани. Тем самым намечалось создание нового стратегического эшелона Красной Армии.

По рассуждениям здравого смысла, по законам военного времени это постановление ГКО должно было быть принято не 5 октября, а 26 сентября в ответ на очередной аргументированный и убедительный доклад командующего Западным фронтом И. С. Конева.

Сколько бед и потерь могли бы избежать и армия, и страна, и советский народ, если бы их Верховный Главнокомандующий исполнял достойно свои обязанности.

А на Западном фронте в 16-й армии, сильнейшей армии фронта, тоже ЧП!

Вечером 5 октября я получил телеграмму из штаба Западного фронта. Она гласила: немедленно передать участок с войсками генералу Ф. А. Еришакову, а самому со штабом 16-й армии – прибыть 6 октября в Вязьму и организовать контрудар в направлении Юхнова. Сообщалось, что в районе Вязьмы мы получим пять стрелковых дивизий со средствами усиления.

Все это было совершенно непонятно. Тут были товарищи Лобачев, Казаков, Калинин, Орел. У них и у меня телеграмма эта вызвала подозрение. Помню возглас начальника штаба: «Уходить в такое время от войск? Уму непостижимо!».

Я потребовал повторить приказ документом за подписью командующего фронтом.

Ночью летчик доставил распоряжение за подписями И. С. Конева и члена Военного совета Н. А. Булганина.

Сомнения отпали, но ясности не прибавилось.

К. К. Рокоссовский

«Уходить в такое время от войск? Уму непостижимо!» – до какого уровня абсурда и скудоумия опускались наши военачальники, принимая решения в первый год войны.

Не только командующий Западным фронтом И. С. Конев, но и его заместители: начальник штаба В. Д. Соколовский, начальник политуправления Д. А. Лестев, член Военного совета Н. А. Булганин, подписывавший приказ, были уверены, что поступают здраво и осмысленно.

В каком замешательстве находились их умы, чтобы хоть на секунду не остановила их элементарная истина – «Коней на переправе не меняют», или простой практический опыт – в мирное время на реорганизацию армии отводятся недели и месяцы, а тут уже время идет на часы.

Да если бы Рокоссовский пошел к Вязьме со своим войском, он поломал бы зубы и 7-й, и 10-й танковым дивизиям гитлеровцев, которые замыкали кольцо!

Но, слава Богу, не все в этот день было так абсурдно.

Возле Мценска 1-й гвардейский корпус начал успешно давать сдачи противнику.

Утром 5 октября я находился на НП Катукова. Отсюда хорошо было видно, как вражеские танки приближались к переднему краю обороны, готовясь смять пушки и проутюжить окопы, занимаемые пограничниками из батальонов Дрожженко и Тетюшева. Огонь артиллерии заставил залечь пехоту противника, которая следовала за танками, а орудия прямой наводки подбили несколько боевых машин.

Но гитлеровцы продолжали рваться вперед. Катукоев вопросительно посмотрел на меня.

– Дайте огонь из засад! – распорядился я.

В воздух взвились 2 красные ракеты. Через несколько минут на поле боя уже пылали фашистские танки, пораженные в борта огнем гусевских тридцатьчетверок.

Вечером противник вновь нанес сильный авиационный удар по Мценску и железнодорожной станции. Невзирая на бомбежку, команди-

ру генерал-майору К. И. Петрову удалось успешно и без особых потерь закончить выгрузку 6-й гвардейской дивизии, только что прибывшей с Ленинградского фронта.

В тот же день прибыли и основные силы 11-й танковой бригады под командованием подполковника А. В. Бондарева.

Д. Д. Лелюшенко

К 10 час. 30 мин. 5 октября я уже был у генерала Лемельзена. 18-я танковая дивизия пересекала дорогу Орел-Брянск и наступала в направлении на север. 17-й танковой дивизии была поставлена задача произвести налет на Брянск и овладеть им. Затем я вылетел на «Шторке» в штаб 24-го танкового корпуса, находившийся в Дмитровске-Орловском. Генерал фон Гейер пожаловался на плохое положение с горючим.

Поскольку аэродром в Орле находился в наших руках, я обратился к командующему 2-м воздушным флотом с просьбой обеспечить доставку по воздуху необходимого нам горючего в количестве 500 000 литров.

В этот день я получил довольно внушительное представление об активности русской авиации. Сразу после моего прибытия бомбардировщики бомбили аэродром, затем штаб корпуса, затем дорогу, по которой продвигалась 3-я танковая дивизия.

На 6 октября воздушный флот обещал нам усилить прикрытие истребителями, можно было рассчитывать на улучшение положения.

Г. Гудериан

6 октября

Утром прибыли приемщики от 20-й армии. Сборы были короткими. Наш штаб двинулся к новому месту назначения, и все мы чувствовали, что произошли какие-то грозные события, а у нас ни войск, ни уверенности, что найдем войска там, куда нас посылают.

Попытки связаться по радио со штабом фронта были безуспешны. Мы оказались в какой-то пустоте.

Настораживала картина при подходе к Днепру, восточнее Ярцево. Брошенные позиции. В окопах ни одного человека. Мы знали, что в тылу за нашей армией расположилась по Днепру одна из армий Резервного фронта. Где она, и что здесь произошло?..

На пути к Вязьме стали попадаться машины различных тыловых частей 30-й и 22-й армий. Красноармейцы в один голос говорили, что не-

мецкие парашютисты разбили их подразделения, а им удалось проваться и они теперь ищут своих.

Рассказы беженцев и данные разведки несколько прояснили картину. Видимо танковые и моторизованные войска врага прорвались между 19-й и 30-й армиями и довольно глубоко на восток. Вероятно, это один из клиньев, вбитых противником, и нужно ожидать, что он будет повернут для перехвата автострады и создания внутреннего кольца окружения наших войск.

Никаких частей мы не встречали. Связаться со штабом фронта все не удавалось. Ощущение оторванности было гнетущим. На привале Лобачев, захватив несколько офицеров, поехал вперед. Прошло не более часа, он вернулся:

– Встретил на перекрестке Василия Даниловича Соколовского. Он сказал, что наша задача остается прежней. По мнению Лобачева, начальник штаба фронта сам точно не знает, что где происходит.

Где же находятся обещанные в приказе Конева дивизии?

С этой мыслью я ехал к месту расположения нового нашего КП. Мы нашли его почти готовым. Поручив Малинину разыскивать войска и добиваться связи с фронтом или Ставкой, мы с Лобачевым отправились в город.

Начальник гарнизона генерал И. С. Никитин доложил:

– В Вязьме никаких войск нет, и в окрестностях тоже. Имею только милицию. В городе тревожно, распространяются слухи, что с юга и юго-востока из Юхнова идут немецкие танки.

– Где местная советская и партийная власть?

– В соборе. Там все областное руководство.

Собор стоял на высоком холме, поднимаясь над Вязьмой подобно древней крепости. В его подвале мы действительно нашли секретаря Смоленского обкома партии Д. М. Попова и областное руководство. Здесь же был начальник политуправления Западного фронта Д. А. Лестев. Он обрадованно помахал рукой:

– Все в порядке, товарищи. Знакомьтесь с командующим...

К сожалению, пришлось их огорчить. Командующий-то есть, да командовать ему нечем.

Я попросил генерала Никитина доложить сведения о войсках и положении в районе Вязьмы. Лестев был крайне удивлен.

– Как же так? Я недавно из штаба фронта, он перебирается на новое место, и меня заверили, что тут не менее пяти дивизий, которые ждут прибытия штаба шестнадцатой армии...

Не успел я спросить Никитина насчет разведки и наблюдения за подступами к городу, как в подвал вбежал председатель Смоленского горсовета А. П. Вахтеров:

– Немецкие танки в городе!

– Кто сообщил?

– Я видел их с колокольни!

– Алексей Андреевич, позаботься, пусть приготовят машины, – обратился я к Лобачеву.

Мы с Лестевым и Поповым быстро взобрались на колокольню. Действительно, увидели эти танки. Они стреляли из пулеметов по машинам, выскакивающим из города.

КП располагался в перелеске, километрах в десяти северо-восточнее Вязьмы. Здесь мы стали подытоживать все данные, которые смог собрать штаб.

Немцы нанесли удар излюбленным способом: прорыв фронта на двух направлениях, создание внутреннего кольца окружения смыканием клиньев в глубине прорыва... Местом смыкания клещей оказалась Вязьма. Где же должно образоваться внешнее кольцо окружения, нам предстояло выяснить.

Вечером к нам на КП приехал начальник оперативного управления штаба фронта генерал Г. К. Маландин и с ним наш старый добрый знакомый генерал И. П. Камера. Они разыскивали штаб фронта. Я рассказал им все, что мне известно, и посоветовал попробовать ночью пробраться севернее автострады на восток, выделив им группу сопровождения.

На ночь наш отряд перешел в лес северо-восточнее города и автострады Вязьма – Можайск. На прежнем месте нас неоднократно засекали немецкие самолеты.

К. К. Рокоссовский

Управление и штаб 16-й армии согласно моему приказу были еще до вяземского окружения выведены в район Гжатска с задачей объединить под командованием Рокоссовского все части, выходившие из окружения, а также резервы подходившие из глубины, чтобы не допустить смыкания противником кольца окружения.

Одновременно с выходом управления 16-й армии в район Вязьмы прибыла 50-я стрелковая дивизия из состава 19-й армии, к сожалению, только двумя стрелковыми полками и артиллерийским полком. Остальные ча-

сти этой дивизии были отрезаны наступающим противником и также оказались в вяземском окружении. Большинство дивизий, перечисленных в приказе Рокоссовскому, не сумели выйти в назначенный район. При выходе к Вязме они вязались в бои с механизированными войсками противника и под ударами превосходящих сил понесли значительные потери.

Войска 19-й и 20-й армий, не имея сильного нажима наступающего противника с фронта, прикрывая свои фланги, начали последовательно отходить от рубежа к рубежу. Первый промежуточный рубеж был на Днепре, где были подготовлены позиции Резервным фронтом.

И. С. Конев

Иван Степанович лишь обозначает события 5–6 октября на своем фронте, не давая принципиальных объяснений причин их возникновения.

Попробуем конспектно построить объяснение случившегося.

1. «Гибельная атмосфера» подавленности, страха и растерянности в Красной Армии после чудовищных процессов 37–38 годов.

2. «Примитивная» концепция состояния и содержания Красной Армии. Ущербность в построении ее руководства, когда решения всех принципиальных вопросов замыкаются на одном человеке.

3. Провал «Брянского кулака» в киевской операции, растрата стратегических резервов.

4. Ослабление Западного фронта перемещением его командующего маршала Тимошенко.

5. Недопустимая расслабленность Верховного Главнокомандующего во второй половине сентября после поражения в киевской операции. Преступная реакция бездействия в ответ на докладные Командующего Западным фронтом.

6. Унизительное для руководства Западного фронта ослабление его позиций в результате скрытного снятия за день до начала немецкого наступления 49-й армии из состава Резервного фронта.

Однако не будем полностью снимать вину с самого Конева. Все полководцы Великой Отечественной отмечали, что Иван Степанович неудачно воевал в 41–42 годах. И если Верховный выбирал кандидатуру на замену Тимошенко из героев Смоленского сражения, он, безусловно, должен был бы отдать предпочтение командующему 16-й армией К. К. Рокоссовскому. Это было очевидно в кругах управления фронтом и, обладая большим самомнением, Иван Степанович явно

перестарался, имея непреклонное внутреннее желание доказать всем свою полноценность на должности Командующего фронтом.

Эти объективные и субъективные обстоятельства и послужили причиной появления абсурдного приказа от 5 октября о расформировании в разгар сражения самой сильной армии Западного фронта.

А южнее Мценска 4-я танковая дивизия Гудериана усиливает натиск и получает еще более решительный отпор с нашей стороны (Карта 21).

Ночью я вызвал командиров и комиссаров соединений, чтобы посоветоваться, как лучше выполнить задачу, поставленную Ставкой, – дальше Мценска противника не пропустить. Преградить ему путь на Тулу.

Оторвавшись от противника, к утру 6 октября войска заняли новый рубеж: пос. 1-й Воин, пос. Нарышкино. У реки Зуши подготавливалась главная полоса обороны корпуса.

В двух-трех километрах впереди этого рубежа, для того чтобы ввести авиацию неприятеля в заблуждение, танкисты оборудовали ложный рубеж обороны. Около 11 часов авиаразведка обнаружила, что в 3 км от 1-го Воина параллельно шоссе движется около 80 немецких танков с мотопехотой и артиллерией.

Вскоре над нами появилось 40 «юнкеров». За 20 минут они сделали по три захода: два по ложному переднему краю, а третий – по подлинным боевым порядкам. По самолетам противника начала бить зенитная артиллерия. Было сбито 2 «юнкера», третий был поврежден, но ушел.

К полудню неприятель открыл сильный артиллерийский огонь по нашему переднему краю, а спустя полчаса начали наступление до 50 танков с пехотой. За ними двигалась вторая волна – около 40 машин. Наши штурмовики расстреливали и бомбили их. Приказываю двум артиллерийским дивизионам открыть подвижной заградительный огонь. На минах подорвалось 7 немецких танков, 14 горят, подбитые нашей авиацией и артиллерией.

Теперь мы с Соркиным и Куркиным уже невооруженным глазом видим, как примерно 50 танков вклиниваются в оборону корпуса. Несмотря на потери гитлеровцы продолжают продвигаться. Стойко отражают нападение бойцы воздушно-десантной бригады С. М. Ковалева, пограничники И. И. Пяшева. Из них особо выделялся взвод лейтенанта И. М. Шевцова.

С НП видно, как танк лейтенанта Кукарина, который одновременно с другими вышел из леса, вскоре вырвался вперед. Заметив стремительно приближающую машину, немецкие танки сосредоточили на ней огонь. Кукарин вдруг остановился и начал стрелять с места. За считанные минуты он подбил 5 танков противника. Позже мы узнали, что, когда наводчик Любушкин вел огонь, вражеский снаряд повредил рычаги управления и двигаться вперед стало невозможно. Раненый механик-водитель Федотов с трудом включил задний ход, и танк, отстреливаясь, стал пятиться к лесу. И только когда очутились в безопасности, экипаж увидел, что радисту-заряжающему Дуванову оторвало ногу.

Кукарин и Любушкин вынесли раненых товарищей, а сами продолжали бой и подбили еще 4 вражеских танка.

Д. Д. Лелюшенко

Большую радость доставило нам сообщение о занятии 17-й танковой дивизией Брянска и захвате имевшегося там моста через Десну, что обеспечивало нам возможность установления связи со 2-й армией.

6 октября южнее Мценска 4-я танковая дивизия была атакована русскими танками. Впервые проявилось в резкой форме превосходство русских танков Т-34. Дивизия понесла значительные потери. Намеченное быстрое наступление на Тулу пришлось пока отложить.

Г. Гудериан

Красноречивое признание. На следующий день немцы снова получают «по морде» и великий Гудериан вынужден будет признать, что «русские уже кое-чему научились. Тяжесть боев постепенно оказывала свое влияние на наших офицеров и солдат. Впервые со времени начала этой напряженной кампании у них был усталый вид, причем чувствовалось, что это не физическая усталость, а душевное потрясение».

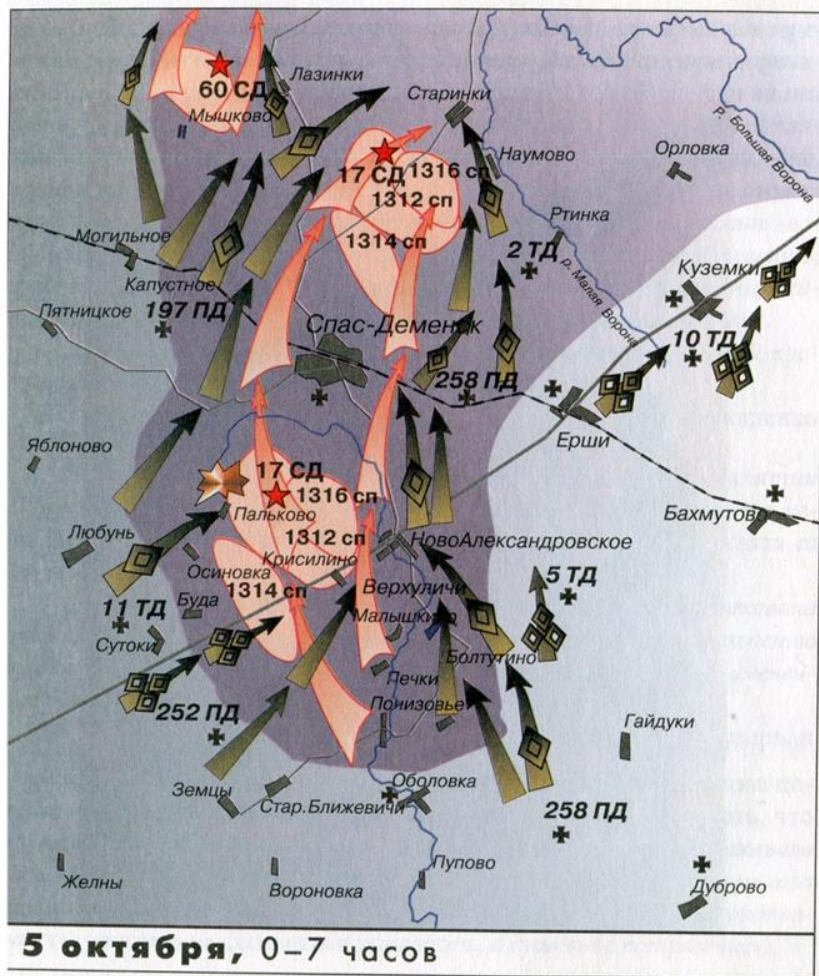
Ввиду важных обстоятельств на участке 54-й армии я не смог вылететь в Москву 6 октября. Вечером вновь позвонил И. В. Сталин.

После освещения обстановки на фронте я спросил Верховного, остается ли в силе распоряжение о вылете в Москву.

– Оставьте за себя генерала Хозина или Федюнинского и вылетайте в Москву.

Г. К. Жуков





Карта 18

Боевые действия 17-й стрелковой дивизии под Спас-Деменском против частей 4-й армейской группы 5–6 октября 1941 года



5–6 октября, 14–24–7 часов

Карта 19

После жестокого сражения 4 октября в 22.30 было принято решение на выход из окружения в северо-восточном направлении

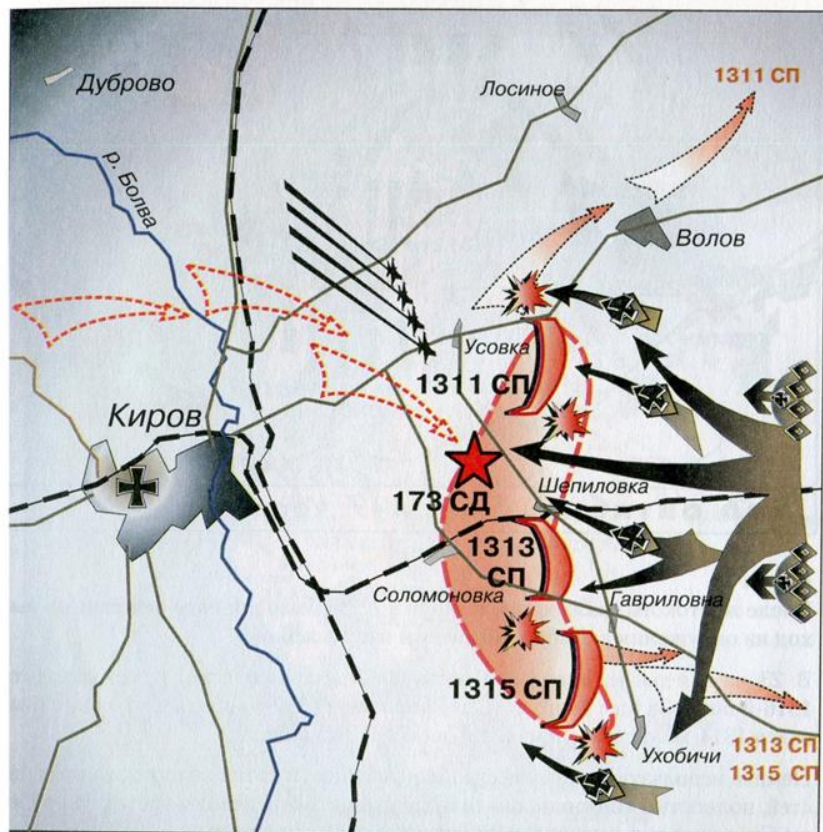
В 23 часа первым, используя обширный лесной массив, начал отходить 1316-й полк. За ним двинулись два батальона 1312-го полка. Отход прикрывался 1314-м полком и 1-м батальоном 1312-го полка.

Немцы, используя преимущество маневренности своих моторизованных частей, полностью контролировали отход наших потрепанных частей. На рубеже Старинки они перекрыли ополченцам все пути отхода.

К 6 часам утра 5 октября основные силы дивизии сосредоточились в лесном массиве северо-восточнее Спас-Деменска. После непродолжительного отдыха, днем 5 октября, 17-я стрелковая пошла в атаку. Три попытки прорваться через Старинки не имели успеха. К вечеру дивизия оказалась полностью зажатой фашистскими бронированными клещами. Оставалась единственная лазейка через болота реки Малая Ворона, на восток, да и та уже была под прицелом врага.

Противник обнаружил движение наших частей, открыл шквальный огонь из всех орудий и устремился в атаку на наши ряды. Прорваться пришлось с боем.

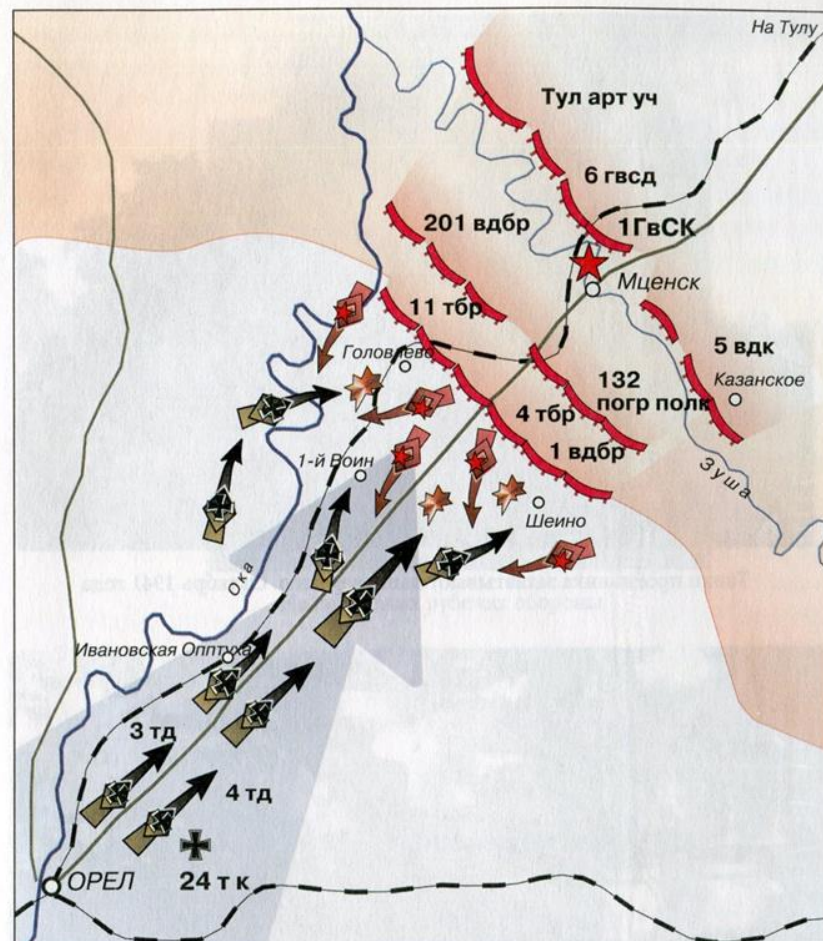
Выйдя через болота реки Малая Ворона из огненного кольца окружения, части 17-й дивизии утром 6 октября собрались в лесном массиве южнее деревни Гордечня. Было принято решение отступать отдельными группами в направлении на Малоярославец.



4-5 октября

Карта 20

Боевые действия 173-й стрелковой дивизии в районе города Кирова



5-6 октября

Карта 21

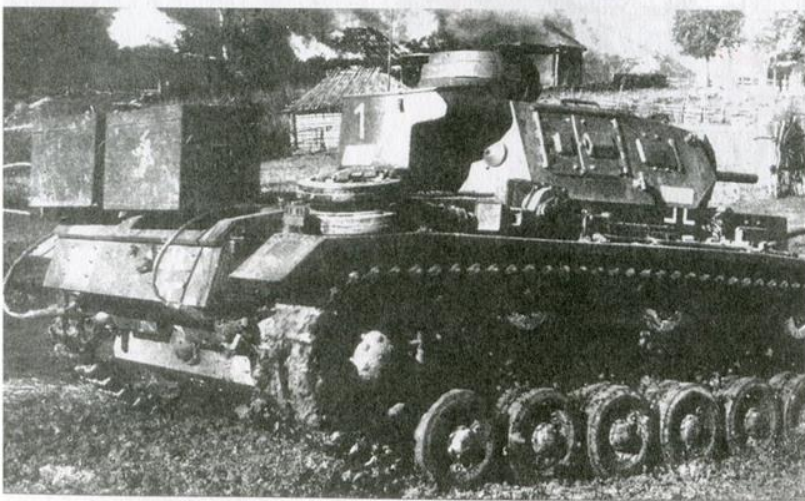
Танковое сражение под Мценском между частями 2-й танковой группы Гудериана и 1-м гвардейским стрелковым корпусом

Боевой состав 1-го гвардейского стрелкового корпуса:

4-я и 11-я танковые бригады, 6-я гвардейская стрелковая дивизия, 5-й воздушно-десантный корпус, 132-й пограничный полк, Тульское артиллерийское училище



Танки противника захватывают нашу деревню. Октябрь 1941 года



Танк 11-й танковой дивизии вермахта. Октябрь 1941 года



На передовых рубежах обороны



Помощь раненому в бою